

Для цитирования:

Митин А. Н., Лебедев Д. В. Риски утраты государственного суверенитета и баланса интересов под влиянием агрессивных форм наднационального контроля // *European and Asian Law Review*. 2024. № 1. Т. 7. С. 10–23. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_1_10.

Information for citation:

Mitin, A. N. & Lebedev, D. V. (2024) Riski utraty` gosudarstvennogo suvereniteta i balansa interesov pod vliyaniem agressivny`x form nadnacional`nogo kontrolya [Risks of Loss of State Sovereignty and Balance of Interests under the Influence of Aggressive Forms of Supranational Control]. *European and Asian Law Review*. 7 (1), 10–23. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_1_10.

УДК 342:004

BISAC 089000

DOI: 10.34076/27821668_2024_7_1_10

Научная статья

РИСКИ УТРАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ АГРЕССИВНЫХ ФОРМ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

А. Н. Митин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-1788-6736

Д. В. Лебедев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-0877-3238

В настоящей публикации предлагается к обсуждению вопрос о соотношении государственного суверенитета и наднационального контроля. Демонстрируется трансформация концепта государственного суверенитета в XX в. – начале XXI в. под влиянием формирующихся наднациональных организаций и объединений. Наднациональность, будучи, с одной стороны, проявлением государственного суверенитета, влияет на государственный суверенитет, ограничивая, изменяя его. Авторы выделяют два основных подхода к определению термина «наднациональность», которые условно можно назвать международно-правовым и социально-управленческим. В рамках первого подхода наднациональность рассматривается как верховенство над правовой системой государства, как форма международной интеграции. В рамках второго подхода наднациональность рассматривается через призму теории управления.

Появление наднациональности ставит проблему усиления наднационального контроля, его влияния на государственный суверенитет и нарушения баланса между интересами сторон международных отношений. Авторы выделяют три формы

наднационального контроля: 1) институциональный наднациональный контроль, 2) национальный наднациональный контроль, который осуществляется одним государством и предполагает верховенство одного государства над другим, 3) неинституциональный наднациональный контроль.

Установление наднационального контроля приводит к появлению его агрессивных форм, направленных на устранение государственного суверенитета, к стиранию исторически сложившихся различий между нациями и государствами, насажению чуждых культурных ценностей, политическому, экономическому и военному давлению на государства. Авторы приходят к выводу о необходимости противодействия агрессивным формам наднационального контроля, в том числе путем формирования информационной безопасности государства и гражданина.

Ключевые слова: государственный суверенитет, наднациональность, наднациональный контроль, баланс интересов, глобализация, информационная безопасность

RISKS OF LOSS OF STATE SOVEREIGNTY AND BALANCE OF INTERESTS UNDER THE INFLUENCE OF AGGRESSIVE FORMS OF SUPRANATIONAL CONTROL

Alexander N. Mitin

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

ORCID ID: 0000-0003-1788-6736

Dmitry V. Lebedev

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

ORCID ID: 0000-0003-0877-3238

This publication proposes for discussion the issue of the relationship between state sovereignty and supranational control is proposed for discussion. The transformation of the concept of state sovereignty in the XX – early XXI century under the influence of emerging supranational organizations and associations is demonstrated. Supranationality, being on the one hand a manifestation of state sovereignty, affects state sovereignty, limiting, changing it. The authors identify two main approaches to the definition of the term supranationality, which can be conditionally called international legal and socio-managerial. Within the framework of the first approach, supranationality is considered as supremacy over the legal system of the state, as a form of international integration. Within the framework of the second, supranationality is considered through the prism of management theory.

The emergence of supranationality posed the problem of strengthening supranational control, its impact on state sovereignty and the violation of the balance of interests of the parties to international relations. The authors distinguish three forms of supranational control: 1) institutional supranational control, 2) national supranational control carried out by one state and assuming the supremacy of one state over another, 3) non-institutional supranational control.

The establishment of supranational control leads to the emergence of its aggressive forms aimed at eliminating state sovereignty, erasing historically established differences between nations and states, planting alien cultural values, political, economic and military pressure on states. The authors conclude that it is necessary to counter aggressive forms of supranational control, including through the formation of information security of the state and the citizen.

Keywords: state sovereignty, supranationality, supranational control, balance of interests, globalization, information security

Введение

Вопросам соотношения государственного суверенитета и наднациональности посвящено достаточно большое число современных правовых, экономических, социальных научных исследований. Особенно много внимания этим вопросам уделяется на рубеже XX и XXI вв. Это закономерно, поскольку именно в этот период активно формируются надгосударственные международные организации: ООН, ЕС, Международная организация гражданской авиации, ШОС, БРИКС и другие.

Интеграционные процессы в условиях глобализации оказали существенное влияние на формирование концепта государственного суверенитета. Некоторые ученые исходят из того, что в современном глобальном мироустройстве государственный суверенитет значительно «размылся» и даже исчерпал себя.

«Размытию» государственного суверенитета способствуют формирование и развитие различных форм наднационального контроля, которые имеют как институциональный, так и неинституциональный характер. Наднациональность, которая изначально задумывалась в качестве инструмента соблюдения баланса между интересами договаривающихся сторон, постепенно утрачивает данную функцию и становится инструментом продвижения интересов отдельных стран.

Развитие информационных коммуникативных и сетевых технологий способствует распространению агрессивных форм наднационального контроля, направленных на полное устранение государственного суверенитета отдельных стран, нарушению баланса между интересами государств и народов, стиранию их национальных различий, распространению антиобщественных и деструктивных идеологий, движений, неонацистских идей. Повсеместное внедрение информационных, облачных технологий приводит к установлению контроля за персональными данными со стороны негосударственных и ненациональных организаций с целью их использования для манипулирования личностью, к проведению киберопераций против объектов критической инфраструктуры государства и его граждан, осуществлению информационно-гуманитарного воздействия для вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

В этих условиях актуальным становятся формирование и развитие национальных средств и технологий информационной безопасности, направленных на противодействие агрессивным формам наднационального контроля.

Материалы и методы

В настоящем исследовании используются такие общенаучные и частнонаучные методы исследования, как метод научного анализа, а также формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, конкретно-исторический.

Результаты

В ходе исследования авторы пришли к следующим научным результатам.

Во-первых, формулирование и развитие концепта государственного суверенитета исторически тесно связаны с формированием национальных государств и интенсификацией взаимодействия между ними. Немаловажную роль в этом сыграла глобализация. В этих условиях государственный суверенитет претерпевает ограничения со стороны наднациональности. Наднациональность как форма управления межгосударственными отношениями невозможна без наднационального контро-

ля за соблюдением принятых международных норм, а поэтому неизбежно ведет к ограничению государственного суверенитета.

Основной риск, который возникает из-за развития разнообразных форм наднационального контроля, – возможность эксплуатировать с их помощью систему международного права в интересах отдельных акторов, обладающих влиянием и игнорирующих цели и задачи, ради решения которых данная наднациональная система была создана. Все это так или иначе нарушает баланс между интересами сторон на международном уровне.

Во-вторых, авторами статьи выделены три формы наднационального контроля:

1) осуществляемый органами интеграционных объединений институциональный наднациональный контроль за соблюдением субъектами национальных государств международных норм;

2) национальный наднациональный контроль, осуществляемый одним государством и предполагающий верховенство одного государства над другим (он может быть публичным и непубличным, реализуемым посредством «мягкой силы», системы подкупа, шантажа, назначения на государственные должности в подконтрольных государствах «своих» людей и т. п.);

3) неинституциональный наднациональный контроль, который реализуют национальные государства при исполнении международного договора или соглашения, не предполагающего создания наднациональных институтов.

В-третьих, развитие наднациональности и наднационального контроля приводит к появлению его агрессивных форм. Отдельные акторы, используя современные достижения информационных, сетевых, кибертехнических технологий, устанавливая контроль за персональными данными населения государства, осуществляют наднациональный контроль, направленный на устранение государственного суверенитета, стирание исторически сложившихся различий между нациями и государствами, насаждение чуждых культурных ценностей, оказание политического, экономического и военного давления на государства, а в иных случаях и направленный на смену конституционного строя [Кротов, 2019].

В четвертых, авторы приходят к выводу о том, что одним из способов противодействия угрозам, исходящим от агрессивных форм наднационального контроля, в том числе в информационной сфере, является становление идеологического суверенитета государства.

Обсуждение

Доктринально концепт государственного суверенитета начал оформляться в XVI в. в работах французского мыслителя Ж. Бодена, который трактовал государственный суверенитет как высшую и абсолютную власть, не ограниченную ни по своему могуществу, ни по функциям, ни по протяженности во времени [Боден, 1999]. Данный подход был обусловлен формированием европейского абсолютизма, в рамках которого понятие суверенитета «обрамляло» высшую власть монарха.

В XIX–XX вв. по мере интенсификации межгосударственных отношений в понятии «суверенитет» немецкий юрист Г. Еллинек особо выделял внутренний и внешний аспект. Он характеризуется отсутствием над суверенной властью какой-либо иной власти. Только это делает суверенную власть верховной и независимой [Еллинек, 2004].

В XX–XXI вв. доктрина государственного суверенитета в большей степени сфокусирована на изучении «вопросов соотношения суверенитета национальных госу-

дарств и мирового порядка, основанного на новой формирующейся системе международного права» [Ковалев, 2021].

В отечественной правовой доктрине концепт государственного суверенитета раскрывается через его отношение к международному праву. Международный аспект государственного суверенитета становится доминирующим в современных исследованиях российских ученых.

Например, понятие «государственный суверенитет» А. А. Моисеев определяет следующим образом: «Суверенитет (государственный) – это неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как субъекта международного права; необходимое для исключительного верховенства государственной власти и предполагающее неподчинение власти другого государства; возникающее или исчезающее в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социального организма; обусловленное правовым равенством независимых государств и лежащее в основе современного международного права» [Моисеев, 2007].

С тех же теоретических позиций О. М. Мещерякова определяет суверенитет в качестве свойства, предполагающего территориальное верховенство и независимость государства на международной арене [Мещерякова, 2011]. Территориальное верховенство предполагает, что государство полновластно в пределах своей территории, поскольку над государством нет более высокой, подчиняющей его себе власти. Независимость государства – это его характеристика, реализующаяся в международных отношениях.

И. Д. Левин отмечает, что «принцип суверенитета есть не отрицание международного права, а выявление специфического характера этого права как права международного, в отличие от права национального» [Левин, 2003].

Анализируя понятие государственного суверенитета, Ю. С. Безбородов подчеркивает, что свобода действий государства в международных отношениях, будучи одним из признаков суверенитета, не беспредельна, а ограничивается свободой других государств [Безбородов, 2017].

Так или иначе, основными признаками государственного суверенитета являются территориальное верховенство и независимость в международных отношениях. При этом независимость понимается как ограниченная независимость других государств.

Суверенитет является основанием международной правосубъектности государств [Осветимская, 2017], создающих в ходе международного общения для решения проблем, которые государство в одиночку решить не в состоянии, международные организации и международное право. «Международное право создается суверенными государствами, которые, проявляя суверенную волю в достижении определенных целей и задач, а также в целях упорядочения международных отношений, ограничивают свой суверенитет» [Безбородов, 2017].

Некоторые ученые не считают ограничение государственного суверенитета утратой суверенитета, поскольку передача наднациональным организациям части своего суверенитета рассматривается в качестве проявления этого суверенитета, ведь государство в любой момент может «вернуть» эту часть обратно. И. И. Лукашук отмечает, что суверенитет не ограничивается международными организациями, так как государства передают им не часть своего суверенитета и даже не отдельные полномочия, а их осуществление [Лукашук, 2005].

Иначе обстоят дела в случае проведения государствами интеграционных процессов в рамках тенденций глобализации. Ряд авторов полагают, что в современном

мире с учетом глобализации государственный суверенитет значительно «размылся» и даже исчерпал себя, а излишняя сосредоточенность на собственном суверенитете мешает оперативно реагировать на проблемы мирового масштаба (терроризм, экологические угрозы и т. п.). Как они полагают, в решении подобных сложных глобальных проблем наднациональное регулирование могло бы добиться больших успехов. Ярким примером является Европейский союз, где интеграционные процессы, достигнув значительно больших результатов, привели к «размытию» не только государственных границ, но и государственного суверенитета в пользу новой наднациональной правовой системы. В этом смысле наднациональное европейское право фактически слилось с национальным конституционным правом отдельных европейских государств.

Европейский союз в лице его руководителей в настоящее время при интеграции решений в условиях специальной военной операции в Украине значительно изменил свои позиции, стал даже способствовать потере государственного суверенитета, входящих в него стран под давлением США. Вместе с тем когда речь идет о Европейском союзе, некоторые ученые даже используют понятие «интеграционный суверенитет» [Ковалев, 2021], который появляется у наднациональных образований с присущими ему чертами «внешнего» суверенитета. Например, в ЕС до недавнего времени осуществлялись единые внешняя политика и политика безопасности (проведение специальной военной операции на Украине внесло некоторые коррективы, продемонстрировав отсутствие у ЕС единой внешней политики как таковой). ЕС также обладает международной правосубъектностью, поскольку может не только заключать международные договоры, но и выступать коллективным субъектом в международных организациях.

Ограничение государственного суверенитета тесно связано с понятиями «баланс интересов» и «наднациональность».

«Баланс интересов» используется в правовой науке, однако общепринятое его понимание пока не утвердилось. А. Ф. Пьянкова считает, что под балансом интересов следует понимать такое состояние правоотношения, в котором права и обязанности сторон соразмерны и стороны имеют равные возможности для реализации своих законных интересов [Пьянкова, 2018].

Наднациональность, будучи, с одной стороны, проявлением государственного суверенитета, влияет на государственный суверенитет, ограничивая, изменяя его. Наднациональность как юридико-экономическое и политическое явление до сих пор недостаточно изучена. В отечественной науке отсутствуют системные научные исследования, посвященные данному явлению. В основном проблема наднациональности раскрывается в контексте деятельности международных организаций, союзов, финансовых, валютных и таможенных операций. Изучать наднациональность необходимо хотя бы потому, что помимо положительных аспектов, связанных с ней (более успешное решение глобальных проблем), наднациональность несет и определенные риски, которые обязательно нужно учитывать и которые по большей части не исследованы научным сообществом.

Основной риск заключается в том, что какими бы совершенными ни были выстроенная система международного права, наднациональных международных институтов и присущая им система сдержек и противовесов, в любом случае может появиться актер, который будет эксплуатировать эту систему исключительно в собственных интересах, игнорируя цели и задачи, ради решения которых данная система была создана.

Среди множества подходов к определению термина «наднациональность» можно выделить два основных, которые условно можно назвать международно-правовым и социально-управленческим.

Международно-правовой подход применяют К. Шмитт, М. Хардт, А. Негри, Ю. Тихомиров, И. Вейлер, Ф. Майер, Ю. Безбородов. В их работах наднациональность рассматривается как верховенство над правовой системой государства, как форма международной интеграции, как особое качество международно-правовых норм, наделяющих определенных субъектов международного права способностью создавать нормы права, которые являются общеобязательными для государств, обладают верховенством и прямым действием в отношении субъектов, находящихся под юрисдикцией государства. В таком понимании наднациональность является методом международно-правового регулирования общественных отношений.

В рамках социально-управленческого подхода наднациональность рассматривается через призму теории управления. Наднациональность определяется как «обладание властью или влиянием, выходящим за рамки национальных границ или правительств, подчиняющим себе интересы отдельных наций и государств, стремление обеспечить лидерство в международной системе» [Митин, Кузнецов 2022]. Обеспечение лидерства и власти на международной арене невозможно без такой функции управления, как контроль. Наднациональный контроль рассматривается в качестве влияния, выходящего за рамки национальных границ, с подчинением интересов отдельных государств или организаций, в том числе международных, с целью принятия политических, экономических, военных, информационных решений в пользу воздействующего актора. Примерами акторов, осуществляющих подобный наднациональный контроль, являются современные IT-гиганты: *Google*, *Microsoft* и др., которые, обладая доступом к частной информации, используют ее для продвижения политических, экономических интересов одного государства – США.

На наш взгляд, международно-правовой взгляд на проблему наднациональности и социально-управленческий подход к проблемам наднационального контроля позволяют выявить основные проблемы, которые заключаются в реализации наднациональности на государственном уровне и ее влиянии на государственный суверенитет.

Реализация принципа верховенства и прямого действия международно-правовых норм в рамках регулирования международных общественных отношений невозможна без осуществления наднационального контроля. Повторим, что можно выделить три основных формы наднационального контроля, которые соответствуют трем формам наднациональности, выделяемым в научной литературе.

1. Институциональный наднациональный контроль осуществляют международные организации, обладающие наднациональными органами, созданными в результате реализации интеграционных процессов нескольких государств, в целях реализации верховенства и прямого действия принятых ими международно-правовых норм; контролю подвергается реализация данных норм субъектами, находящимися под юрисдикцией государств, входящих в международное объединение. Например, в Европейском союзе такими контрольными органами являются Европейская комиссия, Европейская счетная палата, которые контролируют соблюдение норм Европейского союза в странах-членах и, если требуется, возбуждают в суде Европейского союза иск против стран-членов за нарушение членских обязательств.

2. Национальный наднациональный контроль осуществляется одним государством и предполагает верховенство одного государства над другим. Данная форма наднационального контроля может быть публичной и проявляться, например,

---

в отношениях США с зависимыми и ассоциированными с ними государствами (Пуэрто-Рико, Гуам, Восточное Самоа, часть Виргинских островов и Микронезия, которую составляют ныне четыре государства: Федеративные Штаты Микронезии, Республика Маршалловы Острова, Содружество Северных Марианских Островов и Республика Палау) и непубличной как, например, в случае с Украиной.

3. Неинституциональный наднациональный контроль реализуется сторонами международных обязательств для осуществления ими своих полномочий в рамках международного договора без создания наднациональных органов и организаций с наднациональными полномочиями. Примером может служить неинституциональный наднациональный контроль, который реализовывали государства-участники Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений Россия и США до приостановки участия в нем России. Другим примером некоторые авторы называют Европейскую ассоциацию свободной торговли.

Так или иначе, первая и третья формы наднационального контроля санкционированы и легитимированы государствами, а потому с позиции государственного суверенитета правомерны. Однако в настоящее время развитие и распространение получили противоправные, агрессивные формы наднационального контроля, которые могут приводить к риску утраты государственного суверенитета, исчезновению баланса интересов.

Когда мы поднимаем проблему риска утраты государственного суверенитета, мы исходим из того, что в современную эпоху суверенитет является основной ценностью государства. Казалось бы, еще в конце XX в. – начале XXI в. историческое развитие народов и государств двигалось по пути «размытия» и исчезновения государственного суверенитета, на что мы указывали выше. На первый план выходили идеи глобального представительства, сменяющие идею государственного суверенитета [Хабермас, 2001]. Считая США единственной сверхдержавой, Ю. Хабермас настаивал на том, что за исключением США только наднациональные институты могут действовать глобально. Иными словами, в мире существует только одно национальное государство, которое является эффективным внешнеэкономическим актором, способным решать глобальные проблемы, – США. Остальным государствам для этого необходимо объединяться в «континентальные режимы».

Почему при подобных обстоятельствах идеи государственного суверенитета вновь стали звучать так актуально? Если мы обратимся к текстам Посланий Президента РФ Федеральному Собранию за период с 2000 по 2023 г., то мы увидим следующую закономерность. До 2014 г. понятие «суверенитет» в Посланиях практически не употребляется, а если и употребляется, то в контексте прошлых достижений российского народа и необходимости его укрепления. Например, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. термин «суверенитет» употребляется в следующем контексте: «Что означает суверенитет России в XXI веке? Мы часто и много говорим сегодня об этом. В первую очередь достаточные собственные ресурсы страны. Не для того, чтобы все производить у себя. Сегодня так уже в мире никто не живет и, я думаю, что уже никогда никто так жить не будет. Россия должна не просто сохранить свою геополитическую востребованность – она должна ее умножить, она должна быть востребована нашими соседями и партнерами. Это важно для нас самих, хочу это подчеркнуть. Это касается нашей экономики, культуры, науки, образования. Это касается нашей дипломатии, особенно способности выстраивать коллективные действия на международной арене. И конечно, не в последнюю очередь это касается нашей военной мощи, которая является гарантом безопасности и независимости России».

Суверенитет рассматривается с позиции способности государства эффективно встраиваться в коллективные действия, быть востребованным в международной кооперации. Фактически речь идет о «размытии» государственного суверенитета, а ценность государства рассматривается через призму его востребованности на мировой арене.

Радикальным образом отношение к государственному суверенитету изменилось после 2014 г. и известных событий на Украине и в Крыму.

Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. государственный суверенитет приобретает значение абсолютной государственной ценности: «Если для ряда европейских стран национальная гордость – давно забытое понятие, а суверенитет – слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет – абсолютно необходимое условие ее существования». Таким образом, руководством страны обозначен курс на укрепление государственного суверенитета во внутренней и внешней политике. Используемое понятие «реальный государственный суверенитет», с одной стороны, противопоставляется «размытому» суверенитету, а с другой – возвращает нас к классическому общепринятому значению концепта суверенитета: верховенству государственной власти над всей территорией государства, независимости внутренней и внешней политики государства и неделимости верховной государственной власти [Осветимская, 2017].

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. заявлен следующий тезис: «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным». Оставим вопрос о смысле понятия «безусловный суверенитет» для дальнейших исследований, а в рамках нашей статьи значение имеет аксиологическое измерение данного высказывания, подчеркивающее все возрастающую ценность суверенитета государства для государственной власти.

Истоки столь радикального поворота в оценке суверенитета для государства в настоящее время стоит искать в том, как формировались и внедрялись идеи ограниченного, «размытого» суверенитета.

Впервые юридическое закрепление термина «наднациональный» произошло в ст. 9 Договора о создании Европейского объединения угля и стали 1951 г. В Договоре об учреждении ЕОУС под наднациональностью понималась независимость членов Верховного органа от указаний государств-членов. Идеи, воплощенные при создании ЕОУС, получили дальнейшее развитие при исследовании государственного суверенитета, наднациональности, глобализма и конвергенции, стали толчком к формированию идеологии исчезновения государственного суверенитета.

Однако формирование наднациональных интеграционных структур на основе гомогенного европейского общества таит в себе серьезный парадокс. Фактически фундаментом для подобного сплочения европейской нации являются транснациональные СМИ, неправительственные организации, активно участвующие в распространении новых глобальных «ценностей»), массовые политические движения (фем-активизм, движение «зеленых», ВЛМ, ЛГБТ и др.). Между тем транслируемые данными структурами ценности фактически формируются не в европейском общественном пространстве при помощи диалога, а путем создания «правильной» информационно повестки, «новых» правовых ценностей.

Судья Конституционного Суда РФ (2000–2020 гг.) Н. С. Бондарь подчеркивает, что в сложившейся ситуации «поддержание национального фундамента правовой системы представляется ключом к сохранению суверенной государственности, отражающей прежде всего интересы проживающего на территории страны народа.

Именно по этой причине все чаще национальные конституционные суды обращаются к идее конституционной идентичности, а законодатели формируют на конституционном и отраслевом законодательных уровнях адекватные механизмы, препятствующие бесконтрольному проникновению новых „универсальных“ ценностей в национальные правовые порядки» [Бондарь, 2022].

С. В. Хмелевский, осмысливая глобализацию, межгосударственные отношения и размывание концепта суверенитета, полагает, что «концепция функционального (ограниченного) суверенитета государства придумана, чтобы скрыть претензии США, иных стран „цивилизованного“ Запада на мировое господство в современном мире, тогда как реальный суверенитет государства в международном публичном праве не может проявляться частично (по аналогии с беременностью в биологии) – либо он есть, либо его нет» [Хмелевский, 2015].

Действительно, если обратиться к истории создания ЕОУС, то можно увидеть, что в работах, посвященных роли США в развитии европейской интеграции, отмечается тесная связь между американской поддержкой плана Шумана и его реализацией. При этом взаимодействие американского правительства со странами-участницами плана Шумана рассматривается как часть европейской политики США [Мальшева, 2019].

Н. С. Мальшева, будучи системным исследователем становления европейской интеграции, подчеркивает, что формирование ЕОУС «происходило под контролем и поощрением со стороны правительства США, возглавляемого с апреля 1945 г. Г. Трумэнном» [Мальшева, 2009]. Создание наднациональных органов и интеграция европейских государств соответствовали экономическим и политическим интересам США, которые стали активно продвигать интеграционные идеи, предложенные Ж. Монне и Р. Шуманом. Для скорейшей реализации предложенного проекта при американском посольстве в Париже была создана рабочая группа по плану Шумана. Неофициальное вмешательство США способствовало достижению компромисса между Францией и ФРГ, что привело к подписанию 18 апреля 1951 г. договора, учредившего Европейское объединение угля и стали.

Как мы видим, интеграционные процессы в Западной Европе происходили не в связи с естественными историческими процессами глобализации, а в целях (в частности) реализации экономических и политических интересов одного национального государства – США. Транслируемые посредством транснациональных СМИ, образования, сети некоммерческих организаций идеи размытия суверенитета и неизбежности исчезновения национальных государств необходимы для поддержания стабильности интеграционных процессов и уже созданных в Европе наднациональных институтов с неофициальной, негласной доминирующей ролью США в них.

Последние мировые события продемонстрировали, что глобалистские идеи исчезновения национального государства и повсеместное распространение наднациональных интеграционных структур дискредитировали себя, поскольку уже созданные наднациональные структуры не являются беспристрастными, каковыми они задумывались, а действуют исключительно в интересах одного актора. Примером может служить решение Международного уголовного суда от 17 марта 2023 г. о выдаче ордера на арест Президента РФ В. В. Путина за «незаконную депортацию населения и незаконное перемещение населения» из районов, которые ранее были подконтрольны Украине. Однако почему-то Международный уголовный суд не выдал ордер на арест президентов Украины после 2014 г. за убийства детей в результате обстрела городов вооруженными силами Украины.

Идеи глобализма, исчезновения национальных государств, размытия их суверенитета подвергаются в настоящее время переосмыслению. Полагаем, что толчком к этому послужили проявления агрессивных форм наднационального контроля вопреки интересам народов, проживающих на территории суверенных государств. К таким проявлениям в экономической сфере относятся односторонние меры экономического принуждения, которые реализуют в своей внешней политике США и страны Европейского союза. Однако большую опасность для государств представляет наднациональный контроль в информационной сфере, при котором баланс между интересами сторон, правовые установления практически не соблюдаются.

Наднациональный контроль в информационной сфере выражается в установлении несанкционированного информационного контроля за каждым человеком путем использования облачных нейронных глобальных информационных сетей; в контроле за персональными данными и их использовании для манипулирования личностью; в проведении разнообразных киберопераций против объектов критической инфраструктуры; в информационно-гуманитарном вмешательстве во внутренние дела суверенных государств.

Итак, концепт суверенитета в последние десятилетия претерпел значительные изменения, которые были сопряжены с глобализацией, международной интеграцией, правовой конвергенцией и неокOLONIALИЗМОМ. По сути продвижение идей об отмирании института национального государства и становлении разнообразных негосударственных и надгосударственных структур, подчиняющих себе органы государственной власти, отражает стремление перевести ресурсы национальных государств, в том числе население и территории, под управление указанных структур, обладающих мощными экономическими, политическими и даже военными ресурсами [Харин, 2012]. Однако в условиях появления агрессивных форм наднационального контроля значение суверенитета в национальной политике отдельных государств повысилось. Формулируется запрос на создание адекватных способов противодействия имеющимся угрозам в политической, экономической и правовой сферах.

Представляется, что одним из способов противодействия угрозам в информационной сфере является становление идеологического суверенитета государства. Как отмечает О. Ч. Реут, использование указанных прилагательных по отношению к суверенитету не противоречит концепции суверенитета и позволяет уточнить ту или иную сторону концепта [Реут, 2007]. Идеологический суверенитет подразумевает, что культурные ценности и традиции, исторически созданные народами, проживающими на территории определенного государства, имеют верховенство на всей территории государства и не могут быть заменены навязанными извне несовместимыми с традиционными в государстве ценностями и идеологемами.

Заключение

С учетом сказанного, думается, необходимо продолжать развивать механизмы обеспечения информационной национальной безопасности государства, в том числе путем развития и совершенствования нормативно-правового регулирования данного вопроса на законодательном уровне. Вместе с тем сосредоточение исключительно на вопросах противодействия информационным угрозам представляется недостаточным, нужно формировать идеологический суверенитет государства, основанный на традиционных в государстве культурных ценностях.

Библиографический список

Безбородов Ю. С. Наднациональность, суверенитет и конвергенция: соотнесение правовых категорий // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 1. – С. 5–7.

Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 2. – 830 с.

Бондарь Н. С. Национальное и наднациональное в глобальном конфликте конституционных ценностей: не все «вечное» неизменно // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка. XX международные Лихачевские научные чтения. – СПб.: СПбГУП, 2022. – С. 38–43.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. – 750 с.

Ковалев В. С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях // Право и управление. XXI век. – 2021. – № 17 (1). – С. 13–25.

Кротов А. В. Риск утраты государственного суверенитета в условиях современного мироустройства: глобализация и право // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 199–205.

Левин И. Д. Суверенитет. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. – 371 с.

Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 415 с.

Мальшева Н. С. Политические и экономические интересы США в отношении создания Европейского объединения угля и стали (1945–1951 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4-4. – С. 157–160.

Мальшева Н. С. США и начало функционирования Европейского объединения стали (1952–1957 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 59. – С. 75–78.

Мещерякова О. М. Наднациональность в функционировании институтов Европейского союза в контексте Лиссабонского соглашения // Известия вузов. Правоведение. – 2011. – № 6. – С. 131–139.

Митин А. Н., Кузнецов П. У. Организационно-правовые аспекты появления новых угроз от «наднационального контроля» в контексте информационной безопасности // Современное право. – 2022. – № 10. – С. 35–47.

Моисеев А. А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 45 с.

Осветимская И. И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Правоведение. – 2017. – № 2. – С. 150–167.

Пьянкова А. Ф. Концепция баланса интересов и города в гражданском пространстве реальной России // Вестник ПГУ. Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 117–129.

Реут О. Ч. Прилагательные суверенитета. Суверенитет как прилагательное // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 3. – С. 115–124.

Хабермас Ю. Есть ли будущее у национального государства // Вовлечение другого: Очерки политической теории. – М.: Наука, 2001. – С. 197–228.

Харин А. Н. Корпорация-государство как альтернатива современному государству // Власть. – 2012. – № 9. – С. 76–79.

Хмелевский С. В. Государственный суверенитет: понятие, содержание, актуальные теоретические и практические проблемы реализации // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 281–289.

References

Bezborodov, Yu. S. (2017) Nadnacional`nost`, suverenitet i konvergenciya: sootnesenie pravovy`x kategorij [Supranationality, sovereignty and convergence: correlation of legal categories]. *E`lektronnoe prilozhenie k `Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu`*, (1), 5–7.

Boden, J. (1999) *Shest` knig o gosudarstve* [Six books about the state]. *Antologiya mirovoj politicheskoy my`sli* [Anthology of world political thought], in 5 vols., Moscow, My`sl`, vol. 2, 830.

Bondar, N. S. (2022) *Nacional`noe i nadnacional`noe v global`nom konflikte konstitucionny`x cennostej: ne vse «vechnoe» neizmenno* [National and supranational in the global conflict of constitutional values: not everything 'eternal' is unchangeable]. *Global`ny`j konflikt i kontury` novogo mirovogo poryadka* [Global conflict and the contours of a new world order]. Saint Petersburg, SPbGUP. 38–43.

Habermas, Yu. (2001) *Est` li budushhee u nacional`nogo gosudarstva?* [Does the nation state have a future?]. *Vovlechenie drugogo: Ocherki politicheskoy teorii* [Engaging the Other: Essays in Political Theory]. Moscow, Nauka. 197–228.

Jellinek, G. (2004) *Obshhee uchenie o gosudarstve* [The general doctrine of the state]. Saint Petersburg, Legal Center 'Press'. 750.

Kharin, A. N. (2012) Korporaciya-gosudarstvo kak al`ternativa sovremennomu gosudarstvu [Corporation-the state as an alternative to the modern state]. *Vlast`*, (9), 76–79.

Khmelevsky, S. V. (2015) Gosudarstvenny`j suverenitet: ponyatie, sodержanie, aktual`ny`e teoreticheskie i prakticheskie problemy` realizacii [State sovereignty: concept, content, actual theoretical and practical problems of implementation]. *Probely` v rossijskom zakonodatel`stve*, (4), 281–289.

Kovalev, V. S. (2021) Gosudarstvenny`j suverenitet v mezhdunarodnom i integracionnom izmereniyax [State sovereignty in international and integration dimensions]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, (17:1), 13–25.

Krotov, A. V. (2019) Risk utraty` gosudarstvennogo suvereniteta v usloviyax sovremennogo miroustrojstva: globalizaciya i pravo [The risk of loss of state sovereignty in the conditions of the modern world order: globalization and law]. *Yuridicheskaya texnika*, (13), 199–205.

Levin, I. D. (2003) *Suverenitet* [Sovereignty]. Saint Petersburg, Legal Center 'Press'. 371.

Lukashuk, I. I. (2007) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshhaya chast`* [International law. General part]. Moscow, Walters Kluwer. 415.

Malysheva, N. S. (2009) Politicheskie i e`konomicheskie interesy` SShA v otnoshenii sozdaniya Evropejskogo ob``edineniya uglya i stali (1945–1951 gg.) [The political and economic interests of the United States in relation to the creation of the European Coal and Steel Community (1945–1951)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4-4), 157–160.

Malysheva, N. S. (2019) SShA i nachalo funkcionirovaniya Evropejskogo ob``edineniya stali (1952–1957 gg.) [USA and the beginning of the functioning of the European Coal and Steel Community (1952–1957)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, (59), 75–78.

Meshcheryakova, O. M. (2011) Nadnacional`nost` v funkcionirovanii institutov Evropejskogo soyuza v kontekste Lissabonskogo soglasheniya [Supranationality in the functioning of the institutions of the European Union in the context of the Lisbon Agreement]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*, (6), 131–139.

Mitin, A. N. & Kuznetsov, P. U. (2022) Organizacionno-pravovy`e aspekty` poyavleniya novy`x ugroz ot «nadmacional`nogo kontrolya» v kontekste informacionnoj bezopasnosti

[Organizational and legal aspects of the emergence of new threats from 'supranational control' in the context of information security]. *Sovremennoe pravo*, (10), 35–47.

Moiseev, A. A. (2007) *Sootnoshenie suvereniteta i nadgosudarstvennosti v sovremennom mezhdunarodnom prave (v kontekste globalizacii)* [Correlation of sovereignty and supranationality in modern international law (in the context of globalization)]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 45.

Oslimskaya, I. I. (2017) *Gosudarstvenny`j suverenitet: sodержanie i preobrazovanie v usloviyax globalizacii* [State sovereignty: content and transformation in the context of globalization]. *Pravovedenie*, (2), 150–167.

Ryankova, A. F. (2014) *Koncepciya balansa interesov i goroda v grazhdanskom prostranstve real`noj Rossii* [The concept of the balance of interests and the city in the civil space of real Russia]. *Vestnik PGU. Yuridicheskie nauki*, (2), 117–129.

Reut, O. H. (2007) *Prilagatel`ny`e suvereniteta. Suverenitet kak prilagatel`noe* [Adjectives of sovereignty. Sovereignty as an adjective]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 115–124.

Информация об авторах

Митин Александр Николаевич – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (e-mail: sov@usla.ru).

Лебедев Дмитрий Валерьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (e-mail: ldv081@mail.ru).

Information about the authors

Alexander N. Mitin – Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: sov@usla.ru).

Dmitry V. Lebedev – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: ldv081@mail.ru).

© А. Н. Митин, 2024

© Д. В. Лебедев, 2024

Дата поступления в редакцию / Received: 13.05.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 17.05.2024